

ИЗ ЗАЛА СУДА

С. ЗВАНЦЕВ

Клевета

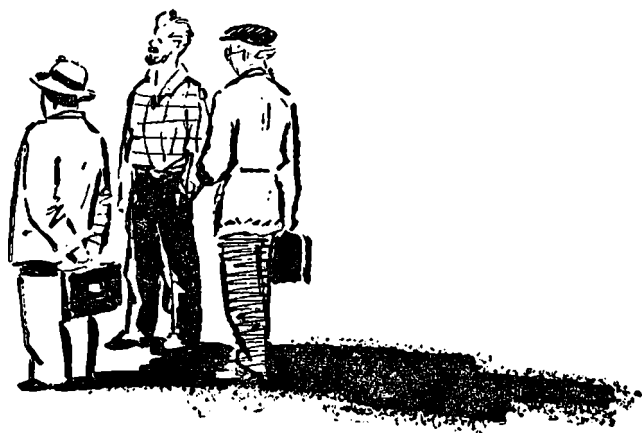

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

С. ЗВАНЦЕВ

Клеветы

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1960

На имя министра просвещения поступило заявление, напечатанное на машинке. В заявлении учитель математики средней школы № 45 большого областного города Н-ска Александр Николаевич Шорин был обрисован с самой отрицательной стороны. Оказывалось, что вопреки сведениям в его личном деле Шорин в годы войны не служил в армии, а где-то в тылу занимался неблагоприятными делами. Добивался перевода своей дочери без экзамена из класса в класс. Хулил мероприятия Советской власти. Вдвоем с женой он довел дочь домовладельца до психического заболевания. Родной брат учителя К. Н. Шорин расстрелян по приговору суда за бандитизм.

Некоторые обвинения были документированы. Так, к заявлению была приложена вырезка из областной газеты о суде над главой бандитской шайки К. Н. Шориным, действительно, приговоренным к расстрелу.

О болезни дочери домовладельца свидетельствовала справка известного в Н-ске профессора-психиатра К.

Под заявлением стояла подпись: «Григорий Борисович Корецкий» с указанием адреса.

Для проверки Министерство просвещения направило заявление в Н-ский отдел народного образования. Заведующий отделом назначил проверочную комиссию в составе директора школы № 45, председателя местного комитета и секретаря партийной организации той же школы.

Директор созвал у себя в кабинете комиссию и, велев секретарю никого к нему не впускать, прочитал вслух заявление Корецкого.

— Странно! — сказал председатель месткома, учитель рисования Никитенко, молодой человек со светлой курчавой бородкой. — Это совершенно не похоже на нашего Александра Николаевича. Совершенно!

— Подождите, — строго заметил директор. — Сначала мы должны проверить факты, а потом уж высказываться. Сейчас нам надо решить, так сказать, методический вопрос: с кого начать опрос. С Шорина или с заявителя?

— Да, конечно, с Шорина, — предложил секретарь партийного бюро, пожилой учитель истории Ковылин. — Он нам все объяснит.

Однако директор не согласился.

— Методически это будет неправильным, — сухо сказал он.

Остальные члены комиссии, зная пристрастие директора Алексея Трофимовича Гусева к вопросам методологии, с трудом удержались от улыбки.

— В этом случае надо поступить так, — продолжал директор, насупив брови, — сначала опросить заявителя, а уже потом...

— Немножко смахивает на судебное следствие,— недовольно заметил Ковылин,— в конце концов, речь идет о старом учителе, о нашем товарище, и мы должны отнестись к нему по-товарищески!

— Методически...— назидательно начал было директор, и Ковылин, махнув рукой, согласился начать с опроса заявителя.

На следующий день комиссия в полном составе отправилась на квартиру к Григорию Борисовичу Корецкому по адресу, указанному в заявлении. Корецкий жил в центре города, очень близко от школы, в большом шестиэтажном доме.

— А кто он такой? — спросил Ковылин, когда комиссия поднималась в лифте на шестой этаж.

— А вы разве не знаете? — удивился Никитенко.— Это известный в городе архитектор,— когда-то полгорода выстроил!

Лифт остановился, и все трое вышли на лестничную площадку.

— Прошу, входите,— сказал высокий красивый старик, открывший им дверь.

Он провел гостей в большую комнату, заставленную мебелью и пахнущую столярным лаком.

— Тружусь! — улыбнулся хозяин, кивнув на старинный секретер, по-видимому, только что покрытый лаком.— С молодости люблю столярным делом баловаться. Да вы присаживайтесь.

Усадив посетителей, Корецкий с вежливой улыбкой выжидательно посмотрел на Гусева, угадав в нем старшего.

— Я — директор школы Гусев, а это — наши преподаватели,— сказал директор, заметно нервничая. Мы бы хотели побеседовать относительно вашего письма.

— Какого письма? — недоуменно поднял седые брови Корецкий.

— Вот этого! — протянул Гусев листок. Корецкий полез в карманчик куртки, вынул очки, аккуратно надел их и, едва бросив взгляд на текст письма, тотчас перевернул страницу и посмотрел на подпись.

— Это не моя подпись, — несколько дрогнувшим голосом сказал старый архитектор.

Члены комиссии переглянулись, а Корецкий стал внимательно читать текст заявления. Потом он снял очки, сунул их в карман куртки и твердо сказал:

— Я этого не писал. Но... — он слегка помедлил, видимо, выбирая выражения, — но кое-что из написанного я уже слышал. Впрочем, значения слышанному не придавал.

— А от кого слышали? — быстро спросил директор.

— От одного своего старого знакомого и его жены... — Корецкий замялся. — Я, собственно, не знаю... Обязан ли я по закону давать, так сказать, форменные показания? Признаться, мне бы не хотелось...

— Видите ли, Григорий Борисович, — сердечно сказал историк, — вы, конечно, не обязаны отвечать нам, мы — не следователи, а всего лишь три учителя школы, заинтересованные в судьбе нашего старого товарища. Вот это ваше заявление...

— Это не мое заявление, — резко прервал архитектор.

— Тем более, — подхватил Ковылин, — тем более, если не ваше! Значит, кто-то злоупотребил вашим именем. Если вы не писали это заявление, но где-то от кого-то слышали те же обвинения в отношении Шорина, не исключено, что этот «кто-то» и сочинил сей пасквиль.

— Погодите,— вступил в разговор директор,— не рано ли называть эту бумагу пасквилем?

Не дожидаясь ответа, он обратился к Корецкому:

— Вы, конечно, можете нам вообще не отвечать. Однако ясно, что этим дело не ограничится. Так или иначе, ответ вам держать придется!

Очевидно, директор взял неверный тон.

— А за что, собственно, я должен держать ответ?— вспыхнул Корецкий.— И в чем? В том, что какая-то каналья подписала свой донос моим именем? Я покажу свою подпись, и вы сразу убедитесь...

Он быстро встал и, открыв ящик секретера, извлек оттуда целую пачку различных документов.

— Вот, глядите,— сказал Корецкий, протягивая несколько образцов своей подписи.

Действительно, сходства с подписью на заявлении министру не было никакого!

— Да, не похоже,— согласился Гусев и поднялся. За ним поднялись и остальные члены комиссии.

— Мы не вправе настаивать,— продолжал директор,— чтобы вы назвали фамилию лица, который, по видимому, подписал вашим именем это заявление. Может быть, у вас есть основания разделять с этим лицом его утверждения и...

— Погодите,— нетерпеливо остановил его Корецкий,— я ничего не разделяю... И я не меньше вашего заинтересован в том, чтобы раскрыть всю эту историю.

И Корецкий рассказал, что те же данные, порочащие учителя Шорина, которые указаны в заявлении, он слышал от супругов Ионы Андреевича и Марьи Захаровны Данилиных, проживающих в собственном доме по Крепостному переулку.

— А что это за люди? — спросил Гусев, записывая имена и адрес в записную книжку.

— Данилин — мой сверстник, когда-то жили на одной улице и в детстве вместе гоняли голубей, — сказал со вздохом Корецкий, как обычно говорят старики о своем детстве. — Сейчас работает агентом по снабжению на железной дороге.

— И вы продолжаете с ним дружбу? — спросил Никитенко.

— Как вам сказать, — протянул архитектор, — особой дружбы у нас теперь нет, уж очень по-разному прожили мы жизнь, но иногда он у меня бывает. Заходит потолковать, вспомнить прежнее. Ну, и я раза два у него за последние годы побывал.

На этом члены комиссии простились с Корецким.

— Конечно, это писал не Корецкий, — убежденно сказал Никитенко, когда они вышли на улицу.

— Почерк не похож, это верно, — согласился Гусев, — но ни в чем нельзя быть уверенным!

— Вы допускаете, — спросил Ковылин, — что заявление подписал Корецкий нарочито измененным почерком. А зачем же он вообще тогда его подписывал? Послал бы без подписи!

— Да хотя бы потому, что у нас не любят анонимок и не верят им. В министерстве могли бы оставить анонимное заявление без внимания, а подписанное — это уж другое дело.

Ковылин собрался что-то возразить, но тут члены комиссии уже поровнялись с дощатыми воротами, на которых была прибита аккуратная жестянка с номером 20.

— Кажется, пришли, — сказал Гусев, останавливаясь.

— Позвольте! — воскликнул Никитенко. — Да ведь именно здесь и живет Александр Николаевич Шорин. А Данилины — это домовладельцы, с которыми у него

самые неприязненные отношения. Я сейчас вспомнил. Александр Николаевич несколько раз просил меня как предместкома помочь ему в получении квартиры...

Во дворе стояли два флигеля: один — большой, свежеокрашенный, другой — низкий, покосившийся, с двумя подслеповатыми окнами.

— Вот здесь,— сказал Никитенко, показывая на неказистое строение,— и живут Шорины.

* *
*

Перед судьей сидел коренастый и широкоплечий человек с седыми висками. Чисто выбритый, в хорошо выутюженном летнем парусиновом кителе Александр Николаевич Шорин выглядел военным в отставке.

Худошавый судья, еще совсем молодой человек, внимательно читал заявление, которое принес Александр Николаевич. Заявление было написано от руки. Легко можно было заметить, что его писали под влиянием искреннего и живого чувства: почти каждая фраза получилась взволнованной, а некоторые из них казались даже вычурными.

«Я уже много лет страдаю под игом домовладельцев — супругов Данилиных,— писал Шорин.— Много раз они измывались над моей семьей, отравляя нам жизнь. Два раза дело доходило до суда, когда Данилиным пришлось отвечать за нанесенные нам оскорбления и даже побои. Оба раза суд признавал супругов виновными и штрафовал их. Но Данилины готовы заплатить и больше, лишь бы им дали поиздеваться над старым педагогом и его семьей!

Домогаясь нашего выселения, Данилины два или три раза обращались в суд с исками, приводя каждый раз новые доводы: то будто бы неплатеж, то якобы

наше плохое поведение. Каждый раз суд отказывал в этих исках, а домовладельцы искали и находили новые способы отравить нам жизнь.

И в самом деле, они сделали нам жизнь невозможной: сломали деревянный сарай, разворошили крышу нашего флигеля и препятствуют ее ремонту; не пожалели денег на устройство своеобразной «плотины», задерживающей сточные воды у порога нашего жилища, а что касается брани и побоев, наносимых нам исподтишка, то это превратилось в повседневное явление.

Ко всему этому присоединилась злобная клевета по нашему адресу. Данилин и его жена усердно распространяют обо мне клеветнические слухи, а именно: будто бы я не являюсь участником Великой Отечественной войны, как я это утверждаю, а занимался в годы войны спекуляцией; будто бы я отсоветовал соседу К. А. Криворучко уезжать в сельскую местность, нарисовав ему мрачную картину колхозной жизни; будто бы я, пользуясь своим положением педагога, добивался перевода без экзаменов из класса в класс ныне окончившей десятилетку дочери моей Ирины; будто бы я и моя жена довели дочь Данилиных до сумасшедшего дома и к тому же якобы я скрываю, что мой родной брат расстрелян за бандитизм. Да всего и не упомянешь!

Следует отметить, что совершенно аналогичные клеветнические заявления содержатся и в письме на имя министра просвещения, ныне присланного из министерства в гороно. Это письмо подписано именем, отчеством и фамилией архитектора Г. Б. Корецкого, но я убежден, что оно написано не им. Зная личное знакомство Корецкого с клеветниками Данилиными, я не сомневаюсь, что здесь Данилин проделал какой-то шулерский номер. Какой именно, трудно сказать, но

я с полной ответственностью утверждаю, что и письмо это — дело рук тех же Данилиных. Иначе невозможно понять совпадение устной клеветы и клеветы письменной!

Поэтому прошу привлечь к уголовной ответственности обоих супругов Данилиных за систематическую и злостную клевету, имеющую целью выжить нас из дома». Далее следовал внушительный список свидетелей, которых заявитель делил на две части: на тех, кто слышал клевету, и на тех, кто может охарактеризовать Шорина как человека и гражданина.

— Так, так,— сказал судья, дочитав заявление,— а откуда вы знаете содержание письма в министерство?

— Ко мне приходила комиссия, выделенная для проверки сообщаемых фактов,— ответил Шорин.— После того как товарищи выяснили все пункты обвинения, они мне показали и самое письмо и даже выдали копию.

— А кто входит в комиссию? — спросил судья.

Шорин ответил и пояснил, что всех троих членов комиссии он включил в список вызываемых свидетелей.

— А Корецкого? Почему вы не просите вызвать Корецкого, чья подпись стоит под документом?

— Так ведь он здесь ни при чем! — воскликнул Шорин.— Мне сказали, что старик решительно отрицает свою подпись.

Он, видимо, хотел еще что-то сказать, но сдержался и встал.

— Учтите, товарищ судья, тяжело мне живется из-за всей этой глупой истории. Я чувствую себя дома, как в осажденной крепости...

Голос его неожиданно дрогнул.

— У жены участились сердечные приступы,— закончил он и, сдержанно попрощавшись, вышел.

Судья встал, в раздумье прошелся несколько раз по кабинету и вызвал Любу — секретаря участка.

Он продиктовал ей постановление о передаче дела прокурору для производства предварительного следствия.

— Пошлите сегодня же,— распорядился судья, подписав постановление.

Надо отдать должное районному прокурору: получив это постановление, он допросил множество свидетелей, навел ряд справок, существенных для дела, и в конце концов добился ясности во многих вопросах.

В частности, было установлено, что у Данилина есть племянник, некто Дубеннов, работающий мастером по ремонту пишущих машинок. Шрифт и буквенные особенности напечатанного на машинке текста заявления в министерство были с помощью специалиста сравнены с образцами текста, напечатанного на машинках, ремонтировавшихся этим Дубенновым за последние месяцы. Однако точно установить, что заявление в министерство было напечатано на одной из этих машинок, не удалось. Вызванный в прокуратуру Дубеннов решительно отрицал свое участие в составлении и перепечатке заявления.

Знакомясь со значительно потолстевшим делом, судья из показаний ряда свидетелей выяснил, что супруги Данилины упорно повторяли в разговорах со знакомыми и даже незнакомыми людьми все те пункты обвинения против Шорина, которые содержались и в заявлении министру. «Простое совпадение? — размышлял судья.— Едва ли. Скорее, согласованные действия. С другой стороны, Корецкий мог и по собственной инициативе написать свое заявление министру...»

Судья прочитал акт экспертизы почерков Данилиных и Корецкого по сопоставлению с подписью в заявлении министру. Эксперты пришли к выводу: подпись не Корецкого, однако подделка подписи совершена не Данилиными.

Что же касалось самих «пунктов обвинения», то ряд их теперь уже решительно отпадал. Судья нашел в деле справку военкомата, полностью подтверждавшую четырехлетнюю службу Шорина в офицерской должности в период Великой Отечественной войны. Расстрелянный за бандитизм К. Н. Шорин, о чем также имелась справка, в родстве с учителем Александром Николаевичем Шориным не состоял.

«А все-таки я был прав, направив дело для производства следствия,— подумал судья.— Именно по делам о клевете предварительное следствие часто особенно нужно! В таких делах всегда две возможности: первая — порочащие сведения правильны, тогда нет клеветы; вторая — эти сведения злостно выдуманы, тогда налицо клевета. Но ведь проверка таких вопросов может требовать детального расследования...»

К делу был приложен акт комиссии гороно под председательством директора школы, причем в ряде вопросов мнения директора и остальных двух членов комиссии разделились. Обвинение Шорина в том, что он выдает себя за участника Великой Отечественной войны, а также и обвинение в скрывании факта расстрела брата безоговорочно отвергались всеми тремя членами комиссии. Однако некоторые из остальных «пунктов» вызвали разногласия: если Никитенко и Ковылин решительно отвергали возможность непатристических высказываний со стороны Шорина, то Гусев счел, что «это дело требует особой проверки». По по-

воду душевной болезни дочери Данилиных Никитенко и Ковылин написали в акте, что заболевание дочери Данилиных никак не связано с Шориными, а директор Гусев остался при суждении, что это «сугубо медицинский вопрос», требующий специальной экспертизы.

«Осторожный товарищ!» — с оттенком неодобрения подумал о Гусеве судья.

Распорядившись приобщить к делу четыре прошлых судебных дела (по искам Данилиных к Шориным о выселении и по обвинению Данилиных в оскорблениях, нанесенных семье Шориных), он назначил дело к слушанию в зале областного дома учителя. Не было сомнений, что процесс вызовет повышенный интерес городской общественности, хорошо знавшей Александра Николаевича Шорина — одного из старых учителей.

* *
*

Перед началом судебного заседания свидетелей удалили из зала, и в помещении сразу стало просторнее. Кто-то вполголоса пошутил, что свидетелей собралось больше, чем публики. Но это было, конечно, неверно: народу в зале осталось много.

В первом ряду против судейского стола сидели эксперты: профессор-психиатр К. и два специалиста по почеркам. Справа от центрального стола были отведены места для супругов Данилиных — подсудимых, а слева — для потерпевших — Шориных.

Клевета относится к так называемым делам частного обвинения, по которым обвинителями обычно выступают сами потерпевшие.

Однако на этот раз в дело вступил районный прокурор, который имеет на это право в соответствии со статьей 10 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР,

Он сидел в судебном заседании за столиком у стены и внимательно вглядывался в лица Данилиных и Шориных. Посмотрел он и на пожилого адвоката, размещившегося за небольшим столом впереди подсудимых.

Шорин был бледен и явно взволнован. Его жена что-то шептала дочери, глотая слезы. Ира держала руку матери в своей и, видимо, старалась успокоить ее.

Гораздо выразительнее была чета Данилиных. Глава семьи, Иона Андреевич Данилин, щуплый, с бегающим взглядом и тонкими поджатыми губами под седой щеточкой коротких усов, сидел на скамье подсудимых гордо, точно посажённый отец на свадьбе. От всей его фигуры веяло чем-то колючим и решимостью «не уступить свое». Он то и дело бросал злобно-насмешливые взгляды в сторону своих квартирантов.

Рядом с ним возвышалась его жена — полная женщина в шелковом платье с множеством оборок. Дочери с ними не было.

С первых же минут процесса начались осложнения. Отрицательно ответив на вопрос о виновности, Данилин отказался сесть на место:

— Желаю сделать заявление!

— Какое заявление? — спросил судья.

— Так что договаривались они с гражданином Никитенко! — отчеканил Данилин, сделав руки по швам.

— Кто — они?

— Семейка Шориных! Сам видел: уединились перед судом в саду и, значит, обо всем там договоренности достигли! А какое право имел свидетель Никитенко разговаривать перед судом с Шориным, с моим обвинителем?!

— Хорошо, когда будем допрашивать свидетеля Никитенко, мы проверим ваше заявление.

Данилин, видимо, собрался возражать, но жена сердито потянула его за пиджак, и он послушно опустился на свое место.

Выслушав мнение сторон, суд постановил сначала допросить подсудимых, и первым — самого Данилина.

Тот не столько защищался, сколько нападал на Шорина. По словам Данилина, его квартиранты лишили всю семью домовладельцев покоя. Поставив себе целью выжить Данилиных из их собственного дома, Шорин сколотил «склочную компанию» из нескольких квартирантов, в том числе Криворучко. Кроме того, добиваясь окончательной гибели Данилина, Шорин якобы пытался изобличить его в хищениях со склада, но он, Данилин, честнейший человек, а вот Шорин — явно антисоветский элемент.

— В чем же это проявилось? — спросил судья.

— Да вот, извольте видеть, когда мой квартирант Криворучко собрался переехать на жительство в колхозную местность, Шорин отговаривал его: ты-де там пропадешь, там-де тебе не дадут заработать на жизнь!

— Сами слышали эти разговоры?

— Жена слышала!

Судья обратился к Данилиной:

— Подсудимая, вы слышали эти разговоры Шорина?

Данилина встала, оказавшись значительно выше мужа.

— А хоть и не слышала, так разве люди будут врать? — резко ответила она, подбоченясь. — Мне люди говорили, а они слышали!

— А какие же это люди? Можете назвать? — задал вопрос судья.

— Протокола не веду,— отрезала Данилина, сделав ударение в слове «протокол» на первом слоге.— Это мне ни к чему.

— Хорошо, садитесь,— сказал судья Данилиной и предложил ее мужу продолжать показания.

Раздраженный неудачей с обвинением Шорина Данилин еле сдерживался.

— Чего же еще продолжать,— воскликнул он,— если уж вам сказанного мало!

— Значит, виновным в клевете вы себя не признаете? — спросил судья.

— Нет, не признаю!

— Не признаете, а здесь в судебном заседании повторяете все те обвинения, которые содержатся в заявлении на имя министра!

— Нет, не все! Насчет того, что его брат был расстрелян как бандит, я ничего сейчас не сказал.

— А раньше? — невозмутимо спросил судья.— Раньше говорили? Что же вы молчите? Вот и вырезку из газеты с судебным отчетом вы приложили к заявлению министру...

— А почему бы мне и не приложить, если был такой отчет? — запальчиво воскликнул Данилин и, только прислушавшись к возникшему в зале смеху, поспешно прибавил:

— Это не мое заявление, а кто приложил, тот пусть и ответит!

— Значит, это не ваше заявление? — спросил прокурор, к которому перешел допрос Данилина.

— Не мое!

— Хорошо, вы не писали,— продолжал прокурор,— но, может быть, вы попросили кого-нибудь написать и подписать это заявление?

— А вы найдите того человека и тогда спрашивайте! — усмехнулся Данилин, пытаясь казаться спокойным. Однако он снова заволновался, когда прокурор тем же ровным голосом сказал:

— А мы нашли.

И встав, прокурор возбудил ходатайство: не приостанавливая процесса, вызвать и допросить в качестве свидетеля племянника подсудимого, Якова Ивановича Дубеннова, для разъяснения вопроса о том, кто именно перепечатал заявление на имя министра и кто подписал его фамилией Корецкого. Дубеннов допрашивался на предварительном следствии, но не был включен в список вызываемых свидетелей ввиду бессодержательности показаний. Вчера он вновь явился в прокуратуру и заявил, что подсудимый обидел его и что он желает дать суду правдивое показание о происхождении письма в министерство.

— Он хотя и мой племянник, — проговорил Данилин, — но с пьяных глаз еще и не то наговорит. А кроме того, мы с ним в ссоре.

— И давно поссорились? — спросил судья.

— Да с того самого дня...

— С какого? — заинтересовался прокурор.

Данилин запнулся, но тотчас оправился:

— С того дня, когда он ввалился к нам пьяным. Ну, а мы его выгнали, конечно.

— Позвольте мне, — вдруг поднялась Данилина и, не дожидаясь разрешения, сыпала скороговоркой: — Пришел, представляете, непрошенный гость, да такой настырный... Дайте мне, кричит, тысячу рублей, а за что — неизвестно. Только всего и было, граждане судьи.

— Садитесь, — коротко сказал ей судья. Посоветовавшись с народными заседателями, он объявил, что

суд удовлетворил ходатайство прокурора и новый свидетель будет вызван.

Прокурор продолжал допрос Данилина.

— Скажите, сколько раз вы осуждались судом за оскорбления семьи Шориных?

— Не помню,— сердито ответил Данилин.

— Два раза,— дал справку судья.

— А сколько раз вы пытались выселить их судом? — спросил прокурор.

Вместо ответа Данилин раздраженно бросил:

— Вы бы лучше спросили, как эти злодеи свели нашу единственную дочь с ума!

Данилина жалобно запричитала:

— Единственное дитя! Замучили!

— Мы и об этом спросим,— невозмутимо заметил прокурор, но задал Данилину совсем, казалось бы, иной вопрос: — Когда вселились к вам Шорины? По данным, имеющимся в деле, это произошло в 1939 году, дата эта правильная?

— Правильная,— буркнул Данилин.— С этого дня и мучаемся!

— А когда заболела психической болезнью ваша дочь?

— Вскоре и заболела,— без запинки ответил Данилин.

— Прошу суд ознакомиться с имеющейся в деле справкой клиники душевных болезней,— поднялся прокурор,— и выпиской из истории болезни Анны Данилиной. Как явствует из этих документов, она заболела в конце 1928 года болезнью, называемой «ранним слабоумием». Таким образом, она заболела более чем за 10 лет до появления Шориных.

— Выходит,— обратился к Данилину судья,— что

и это ваше утверждение о вине Шорина в болезни вашей дочери также представляет собой клевету?

— Никак нет,— невозмутимо ответил Данилин.— Это врачи ошиблись. А заболела она много позже.

— А не расскажете ли вы о расстреле родного брата Шорина за бандитизм?

— Инициалы сходятся, а родной ли он ему брат — не знаю,— неохотно сказал Данилин.

Судья продолжал:

— А откуда вы знаете, что инициалы сходятся? Вы что же, лично знали расстрелянного?

— Не знал, да в газете прочитал!

— Понятно,— усмехнулся судья.— В той самой газете, откуда взята вырезка, приложенная к заявлению на имя министра?

— Не кажется ли вам странным, подсудимый,— снова спросил судья, так как Данилин ничего не ответил на предыдущий вопрос,— что в заявлении министру написано именно то самое, что вы устно говорили о Шорине?

— Да, очень странно,— злобно ответил Данилин, поджав свои тонкие губы.

— А ведь такой странности можно найти объяснение. Как вы сами объясняете такое совпадение? Может быть, вы просили Корецкого написать?

— Гражданин Корецкий — человек самостоятельный,— пожал плечами подсудимый.— Его не уговоришь. Да я и не уговаривал — к чему мне?

— Не уговаривали, но делились с ним своими отзывами о Шорине?

— Может, когда и поделился, так что из этого?

— Привлекались ли вы к уголовной ответственности за злоупотребления по должности? — задал новый вопрос судья.

Данилин ответил со злобой:

— Это Шорин возводит на меня. Не судился я никогда, это и гражданин прокурор знает! Моя совесть чиста.

— Это верно,— с иронией подтвердил прокурор,— до суда дело не дошло. Возбужденное против гражданина Данилина уголовное дело о злоупотреблениях по службе было прекращено по амнистии. Кстати, дело было возбуждено не по инициативе Шорина.

— А о том, что Шорин будто бы обманывает относительно своей службы в армии,— спросил судья,— откуда это вы взяли?

— Люди говорят,— несколько растерянно произнес подсудимый.

— Может быть, вы хоть одного из них назовете? Нет? А о переводе без экзаменов дочери Шориных кто вам говорил? Те же таинственные люди, которых вы сейчас не можете припомнить?

Допрос перешел к адвокату, защищавшему обоих Данилиных. Чувствовалось, что опытный адвокат и не собирается отрицать самого факта распространения порочащих слухов, а лишь пытается оспаривать их «заведомую ложность». Поэтому вопросы адвоката были направлены на то, чтобы создать у суда впечатление искренности супругов Данилиных в их дурных отзывах о Шориных: Данилины, дескать, добросовестно заблуждались, и, стало быть, это не клевета, для наличия которой необходима именно заведомая ложность слухов!

Вероятно, в своих вопросах, на которые подсудимый Данилин отвечал не всегда удачно, адвокат несколько пересоллил, ввиду чего народный заседатель, пожилая женщина, прервала с разрешения судьи серию вопросов защитника и спросила Данилина:

— Вы говорите, что не знали, был ли в армии Шорин. Но разве это давало вам право утверждать, что он в армии не был?

— Я не утверждал, я только...— запнулся Данилин.

— Только говорил,— с иронией подсказала ему председатель.

В зале снова послышался смех.

Допрос Данилиной прошел гораздо быстрее. Она, видимо, извлекла урок из неудачных пространственных ответов мужа и отвечала в том духе, что она — женщина неграмотная и ничего не знает. Если что и говорила о Шориных, так со слов мужа, которому она полностью доверяет.

* *

*

Когда заседание возобновилось, к судейскому столу развалистой походкой подошел полный молодой человек в узеньких и коротких коричневых брюках и клетчатом пиджаке. В руках он держал мягкую соломенную шляпу.

— Я — Дубеннов Яков Иванович,— сказал он судье, показав свою повестку с вызовом в суд.

— Повестку оставьте себе,— сказал судья,— а сейчас дайте подписку о том, что будете говорить суду правду, иначе ответите по статье 95 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей ответственность за дачу ложных показаний в виде лишения свободы сроком до двух лет. Вот здесь распишитесь.

Дубеннов уронил шляпу, поднял и, заложив ее между колен, стал тщательно выводить свою фамилию.

— Начнем с допроса этого свидетеля. Возражений у сторон нет?

Возражений не было. Данилин намеревался было что-то сказать, но раздумал.

— Скажите, свидетель, что вам известно по настоящему делу? — спросил судья.

Дубеннов съезжился и, теребя шляпу в руках, ответил, стараясь не смотреть на подсудимых:

— Дядя попросил меня перепечатать заявление.

— А почему он обратился именно к вам с такой просьбой?

— Я работаю в мастерской по ремонту пишущих машинок... ну, и умею печатать.

Допрос перешел к прокурору:

— Скажите, свидетель, а почему, собственно, вы подписали заявление фамилией «Корецкий»? Или это подписал ваш дядя?

— Я только перепечатал, а подписывал дядя.

— При вас подписывал?

— Нет. Он у меня бумагу взял, а что он с ней после сделал, я не знаю.

— Врешь! — вдруг поднялся со своего места Данилин. — Граждане судьи, разрешите сказать!

— Говорите.

— Я думал без подписи послать, — возбужденно заговорил Данилин. — Это он меня надоумил! Племянник! Вы, говорит, напишите такую фамилию, чтобы позвончей, чтобы начальство сразу заинтересовалось! А пока выяснят, кто писал и кто подписывал, вашего недруга успеют подергать. Я его спросил, чью фамилию поставить, а он и предложил мне написать фамилию Корецкого. Все-таки, говорит, не посторонний, а ваш знакомый, к тому же квартиранта вашего знает. Может быть, когда его спросят, что-нибудь и подтвердит, хотя бы с ваших слов. Ну, я и согласился.

— А кто же учинил фальшивую подпись? Вы или свидетель?

— Он... племянник! У меня рука неясвенная, а у него почерк что надо!

Судья обратился к смущенному свидетелю:

— Что вы на это скажете? Так это было?

Дубеннов стал неумело изворачиваться. Вскоре его отпустили на место.

Следующим допрашивался Никитенко.

— Этот самый! — мрачно произнес Данилин, едва Никитенко подошел к судейскому столу. — Это он договаривался с Шориным!

— Помолчите! — строго сказал судья и спросил свидетеля, с недоумением смотревшего на Данилина: — Свидетель Никитенко, о чем вы разговаривали в саду с семьей Шорина перед началом судебного заседания?

— Ах, вот о чем речи! У меня с Шориными был разговор чисто товарищеский. Я просил их не волноваться. Дело в том, что жена Шорина очень больна, у нее начались сердечные приступы, и врачи рекомендовали ей покой. А какой у нее покой, если вот эти (Никитенко кивнул в сторону Данилиных) отравляют ей жизнь...

— Вот видите! — вскочил Данилин. — На меня все взваливает. Вот о чем у них была договоренность в саду-то.

— Нет, — спокойно возразил Никитенко. — Я увел Шориных в сад лишь для того, чтобы оградить их от вашей брани хоть здесь, в суде.

Далее Никитенко подробно рассказал суду о неприятностях и притеснениях, чинимых семье Шориных со стороны домовладельца и его жены. Чтобы досадить квартирантам, они снесли дровяной сарай,

стоявший недалеко от флигелька Шориных, и препятствовали попыткам учителя построить его собственными средствами, равно как и не давали Шорину отремонтировать разворошенную Данилиным крышу. Когда Данилин возвращался с работы, он почти весь свой досуг проводил в том, что громко, с остервенением ругался под окнами Шориных, понося их бранными словами. А в другое время дня «вахту» несла никогда нигде не работавшая супруга Данилина.

Все явно клонилось к тому, чтобы так или иначе заставить семью учителя освободить жилплощадь, нужную домовладельцу для квартирной спекуляции. Данилины стали усиленно распространять слухи, порочащие Шорина как гражданина и педагога. До свидетеля они дошли из третьих, а может быть, четвертых уст. А тут пришла бумага за подписью почтенного человека, архитектора Корецкого, повторяющая все те же обвинения против Шорина. На первый взгляд получалось, что о нехороших делах учителя говорят и пишут со всех сторон...

— Разве нашлись люди, которые расценили слухи именно так? — спросил судья.

Свидетель было замялся, но потом решительно сказал:

— Да, нашлись! Прежде всего наш директор Гусев. Он не то, чтобы поверил в эти грязные выдумки, но у него, должно быть, остался на душе какой-то осадок: нет, мол, дыма без огня!

— И что же, этот осадок оказал на директора определенное влияние? — поинтересовался судья.

— К сожалению, да, — подтвердил Никитенко. В результате Шорин не мог не почувствовать, что вокруг него как-то сгущается атмосфера. Некоторые в школе стали на него коситься... И секретарь партий-

ного бюро Ковылин, проходящий здесь свидетелем, и я, как председатель местного комитета, делали все, что в наших силах, для улучшения бытовых условий нашего товарища, честного педагога. На днях в райисполкоме мы добились предоставления Шорину хорошей квартиры в новом доме...

— Я этого не знал! — обрадованно воскликнул Шорин.

— Да, — продолжал свидетель, — мы думали преподнести Шорину эту новость как сюрприз, накануне вселения, но теперь дело повернулось так, что...

— Избавились, слава тебе господи! — поднявшись, перебила его Данилина.

В зале раздались негодующие возгласы по адресу подсудимой. Судья призвал присутствующих к порядку, строго предложил Данилиной сесть на место и перешел к допросу очередного свидетеля — Корецкого.

На все вопросы Корецкий отвечал коротко, спокойно. Нет, никакого заявления о Шорине он не писал и не подписывал. Почему Данилин выбрал именно фамилию Корецкого? Этого свидетель не знает. Может быть, для того, чтобы хотя бы на первых порах придать заявлению убедительный вид.

После Корецкого перед судом прошло еще много свидетелей. Никто, в том числе и свидетели, вызванные по просьбе подсудимых, не сказали о них доброго слова. Зато общий отзыв о Шорине был уважительный и теплый. Отличный педагог, отзывчивый человек, прямой и честный, хороший семьянин — тако- вы были те слова, которые говорились сослуживцами и соседями Шорина. Сдержаннее других был осторожный директор школы Гусев...

Ряд педагогов той же школы, где преподавал Шорин, дали показания о полной ложности утверждений

Данилиных, касавшихся дочери Шорина. Ирина училась отлично и совсем не нуждалась в отцовской «протекции».

Особое внимание суда и присутствующих в зале вызвали показания свидетеля Криворучко, того самого квартиранта Данилина, которого будто бы Шорин уговаривал не ехать в колхоз.

Криворучко, закройщик-модельер местной обувной фабрики, решительно отрицал подобный разговор.

— Все это чепуха,— сказал он.— Я даже не соби-
рался уезжать в колхоз, все с начала и до конца вы-
думано.

— А правда ли, что Шорин настраивал жильцов дома против домовладельца? — спросил судья.

— И это чепуха,— хладнокровно ответил свиде-
тель.— Данилины своими поступками сами создали
против себя общее возмущение!

— Вот вы, свидетель, живете бок о бок с Шори-
ными и Данилиными,— задал вопрос прокурор,— не
можете ли вы сказать, кто же именно бывает зачин-
щиком скандалов?

Этот вопрос даже удивил свидетеля.

— А кто же, кроме Данилина и его супруги?

На всем протяжении допроса свидетелей адвокат задал лишь несколько вопросов. Все они касались од-
ного и того же: не могли ли Данилины, высказывая
хулу по адресу Шориных, добросовестно заблуж-
даться?

Как ни осторожно задавал свои вопросы адвокат,
ответы он получал не в пользу подсудимых.

Последними допрашивались эксперты. Профессор
К. на основании истории болезни дочери Данилина —
Анны, 38 лет, и осмотра больной пришел к выводу,
что она заболела хронической душевной болезнью за-

долго до появления в доме семьи Шориных и, следовательно, взаимоотношения последних с Данилиными не могли быть причиной психического заболевания, тем более, что Анна Данилина почти постоянно находится в закрытом лечебном заведении.

Эксперты-графологи единогласно подтвердили то, что, в сущности, было уже известно из судебного следствия, а именно: подпись под заявлением министру выполнена не Корецким, а Дубенновым. Эксперты пришли к этому выводу, сравнив подпись под заявлением с образцом почерка Дубеннова, взятым в перерыве судебного заседания.

Наконец, судебное следствие было закончено, и суд приступил к прениям сторон. Слово было предоставлено прокурору.

— Граждане судьи! Пусть не смущают вас сомнения о том, кто именно написал и подписал именем гражданина Корецкого ложный донос министру. Вы сами слышали: это сделал племянник подсудимого Данилина. Сей незадачливый племянник никак не может сказать пушкинской строчкой: «Мой дядя самых честных правил»! Злобно наклеветал гражданин Данилин на учителя Шорина и трусливо скрылся за спиной своего когда-то друга детства Корецкого. Трусливый клеветник — вот кто этот «дядя»! Клеветник из низменных побуждений, из-за желания выселить из квартиры одних и продать подороже эту квартиру другим.

Впрочем, и сам племянник доброго слова не заслуживает. Видимо, не получив от дяди обещанного вознаграждения за услугу, Дубеннов явился сюда, чтобы рассказать половину правды. Скорее всего он не собирался рассказывать, но, как вы здесь слышали, ему пришлось это сделать.

Но пусть бы даже не было этого заявления министру,— разве иными способами, уже без привлечения чужих имен, Данилин не распространял ту же самую клевету?

Клеветнических обвинений было немало, и я хочу коснуться сейчас лишь некоторых из них...

Непродолжительная, но резкая речь прокурора была выслушана в зале с большим вниманием.

Получивший затем слово адвокат не коснулся самого вопроса о ложности сведения, которые распространяли его подзащитные о Шорине, а лишь пытался усомниться в их заведомой ложности. Однако доводы его прозвучали неубедительно.

Данилины от последнего слова отказались. После совещания судьи вынесли приговор.

За клевету на Шорина Данилин был осужден к шести месяцам исправительных работ по месту службы с вычетом 20 процентов из заработной платы, а супруга его — к штрафу в 500 рублей.

Званцев Сергей

„К л е в е т а“

Редактор *Е. К. Коржув*
Художник *Ю. А. Цишевский*
Художественный редактор *И. Ф. Федорова*
Технический редактор *Н. Л. Шедрина*
Корректор *Т. Д. Гончарова*

Сдано в набор 8/VI 1959 г. Подписано к печати 28/1
1960 г. Формат бумаги 84—108¹/₃₂. Объем: физ. печ.
л. 1,0; условн. печ. л. 1,64; учетно-изд. л. 1,41.
Тираж 100 000 (доп. 100 000). А-00712. Цена 35 коп.
Заказ № 135.

Госюриздат — Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40

Отпечатано с матриц Первой образцовой
типографии имени А. А. Жданова в типографии
им. Котлякова Госфиниздата СССР. Ленинград,
Садовая, 21